

УДК 82.091

МИФ О РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: ОТ АНТИХРИСТИАНСКОГО «ЧУЖОГО» К ХРИСТИАНСКОМУ «СВОЕМУ»

© 2012 г.

С.Б. Климова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

klimova1@hotmail.com

Поступила в редакцию 26.06.2012

На рубеже XIX–XX веков в английской культуре и литературе был сформирован новый слой мифа о России. В основу его структуры легло то христианское, с характерными британскими смысловыми акцентами, миропонимание, которое сформировало и структуру традиционного слоя. Однако если ранее образ России воспринимался как антихристианское «чужое», то теперь центр структуры нового образа России образует христианское «свое».

Ключевые слова: миф о России, английская литература, «свое-чужое», христианское миропонимание, бифуркация структуры мифа, растождествление образов.

Западный образ России – одна из активно разрабатываемых тем в современной отечественной гуманитарной науке, в частности, в политологии, культурологии, истории, филологии [1–3]. Начало пристальному литературоведческому изучению английского художественного образа России положила книга Н.П. Михальской «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков» (1995) [4]. В книге была сделана попытка не только системно описать развитие образа России в разножанровых произведениях английских писателей и поэтов до XIX в., но и определить вневременную сущность образа через его структурные моменты. Такой сущностью признается миф: «<...> образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со свойственными мифу чертами» [4, с. 151].

Естественно предположить, что миф о «чужом» как «многозначный» [5, с. 100] «рассказ» [6, с. 31] о том, что воспринимается «чувственно» [7, с. 21] и является «запредельной Ding an sich для разума» [8, с. 59], принципиально сцеплен с мифом о «своем». Сущностной основой такого сцепления представляется христианское миропонимание – «мифологический универсум, внутри которого формировалась вся западная литература вплоть до XVIII в. и в большой степени формируется и сейчас» [6, с. xi].

Важно уяснить при этом, что в Новое время миф живет не только по законам мифа архаичного, что он не только воспроизводится, но и развивается, интерпретируется. Продуктивным здесь было бы привлечение понятия «архетип» в том смысле, в котором оно поясняется в статье

отечественного ученого-филолога А.Ю. Большаковой: это «прообраз» и «праобраз всего сущего», который в то же время аккумулирует в себе всю память культуры и, соответственно, отражает в себе изменения «коллективного бессознательного» [9]. В связи с этим можно говорить не только о «высокой стабильности» структуры мифа о России в английской литературе разных эпох [4, с. 151], но и о флуктуациях и даже бифуркациях этой структуры, отражающих изменения «коллективного бессознательного».

Во многом именно в христианской системе координат, с характерными британскими акцентами на деятельности [10, с. 18], независимости и состязательности [11, с. 146] и в соединении с ощущением наследования классической цивилизации [12], выстраивалась система оценок и характеристик, приписываемых «своему» британскому и «чужому» русскому в течение многих веков, вплоть до конца XIX века.

Действительно, уже в книге Р. Ченслора о «княжестве Московском» (1550-е гг.) [13] возникает характерное наименование русских «варварами». Наравне с одобрительными характеристиками государства как «обширнейшего», с «несметными богатствами» и людей как «бесстрашных» и «выносливых» здесь фигурируют совсем не одобрительные замечания о «неумении себя ценить», о «бесправии» народа, об отсутствии частной собственности, об «идолопоклонничестве», о воровстве, «разврате» и «пристрастии к пьянству», о неупорядоченности быта.

Оставляя в стороне вопрос об объективности этих характеристик (многие из которых, безусловно, натянуты), скажем, что в целом они исходят как из представлений о том, какой

должна/не должна быть страна христианская (отсюда такие характеристики, как идолопоклонничество, пьянство, воровство, разврат), так и из представлений, основанных на собственнo британских ценностях/антиценностях (выносивость, неупорядоченность быта, бесстрашие, неумение себя ценить). Отношение к «русским» как к нехристианам-язычникам или даже (что еще ужаснее) как к еретически «перевернутым» христианам прочитывается у Ченслора не только в повторяющихся словах «варвары» и «идолопоклонники», но, в частности, в прямом противопоставлении «русского государя» «христианским государям»: «<...> если бы в землях русского государя нашлись люди, которые растолковали бы ему то, что сказано выше, я убежден, что двум самым лучшим и могущественным христианским государям было бы не под силу бороться с ним» [13, с. 60]. Это отношение становится ведущим в дальнейшем развитии образа России в английской художественной литературе. В «Записках» (1571–1591) Дж. Горсея [14] оно выражено в словах «дикие скифы»; в поэтических описаниях Дж. Турбервилля – в обрисовке русских как «варваров», похожих на «турок» по своему поведению, «склонных к ужасным грехам», пьющих так, как будто их учит пить сам «Вакх», развратных, лживых в своей религиозности, поклоняющихся «идолам» даже в священном пространстве церкви [15]. В христианской системе координат образ России в английской литературе уже этого времени, безусловно, противопоставлялся образу Англии как чужое нехристианское (точнее, псевдохристианское) «своему» истинно христианскому. Так, в известной поэме Уильяма Уорнера «Англия Альбиона» (1586) короли Идель и Эделбрайт изображены соединенными «узами счастливой» дружеской «любви», помнящими о Боге и заботящимися о чистоте своей души. В предисловии к поэме Эдмунда Спенсера «Королева Фей» (1589) автор рисует «божественный», всех освящающий образ безгрешной, во славе правящей Елизаветы, королевы Англии – этого «величайшего острова».

То же понимание русского как нехристианского или псевдохристианского (с опорой на восприятие британского как истинно христианского) лежит в основе оценок, возникающих в английской литературе (и в целом культуре) в дальнейшем. Симпатии, которые вызвала и продолжала неизменно вызывать фигура Петра I, в целом не изменили общей тональности литературных изображений России. В капитальном труде Т. Б. Маколея «История Англии» (1847–1849) говорится о том, что Россия времен Петра I

оставалась для «образованных наций Европы» все той же «скифской пустыней», страной «дикой и варварской», малозначащей и экзотической, – тем, «что для нас теперь Бухара или Сям»; что историки все так же описывали «дикое невежество и страшную бедность варварской страны»; что сам Петр, свободный от «суеверных пристрастий своей религии», производил впечатление «тирана-дикаря» [16, с. 61–68]. В другой исторической монографии о России конца XIX столетия утверждалось, что в XVII в. Россия представляла из себя «полуазиатскую» «варварскую» страну, в сполшную «темноту» которой Петр I смог впустить немного европейского света [17, с. 14, 17]. Во «Временах года» Дж. Томсона, в части под названием «Зима», Петр I изображен «богом избранным» просвещенным государем, покорившим «дикую страну» и просветившим темных «варваров» [18].

В XIX в. традиционная «демонизация» образа России была переосмыслена и перенесена в план внешней и внутренней политики. Такое переосмысление было не в последнюю очередь связано с укреплением российской политической и военной мощи. Так, если в том же труде Маколея отмечается, что в конце XVI в. «огромное государство» Петра еще «не внушало Англии ни надежд, ни опасений» [16, с. 69], то в статье видного российского государственного деятеля Н. А. Хомякова «Основы англо-русской дружбы», опубликованной в британском журнале «Русское обозрение» (*Russian Review*) в 1912 г., отмечается «враждебное подозрение», с которым Англия на протяжении XIX века относилась к России [19, с. 9]. Н. А. Хомяков прямо связывает это отношение с «постоянным продвижением» Российской империи «в Центральную Азию». В монографии британского историка Дж. Джедди «Российская империя» (*The Russian Empire: Historical and Descriptive*, 1882) утверждается, что, несмотря на большие геополитические изменения в мире в целом, «самым удивительным представляется огромное разрастание Российской империи» [17, с. 9] – этого амбициозного «соперника» Британии. Байрон, Вордсворт, Теннисон, Суинберн – на протяжении всего XIX века известнейшие английские поэты рисовали негативные образы России в русле стереотипных представлений о ее экспансионистской политике и тираническом политическом устройстве [20, с. 23–223]. При этом, однако, их произведения все так же опираются на негативное прочтение характера и поведения русских с точки зрения христианской морали и традиционного понимания русского как нехристианского. Отношение к государству и его внешней политике только наслаивается на уко-

ренившееся отошение к стране и народу, так что «демонизированными», варварскими, антихристианскими чертами оказываются наделены как народ, так и государство (государственные деятели).

Так, Байрон в печатавшихся в 1820-х гг. «русских главах» поэмы «Дон Жуан» изображает бесстрашных, диких и бездумных «людей-зверей»-казаков и развратный двор Екатерины, иронизирует над непрогнозируемым хаотическим столкновением согласных в русских фамилиях. В тексте ясно прослеживается та христианская система координат, которой в английской литературе «измеряли» Россию: в песне седьмой Суворов говорит «проповеднику подстать» о том, что русские войска «благословил» на взятие Измаила и на победу над «нехристями» «сам Бог» [21, с. 250]. В контексте общей образной системы «русских глав», в которых акцентируются нечеловеческие ужасы войны, эти слова не только обнажают устоявшееся в английском мифе о России понимание русских как псевдохристиан, но и распространяют эту характеристику на государство.

В конце 60-х годов XIX в. Теннисон изображает Россию «свирепо-дикой страной, в которой соединены доведенные до ужасных крайностей Власть и Страх» [22]. В 1890 г. Суинберн в своей оде «Россия» в ясном соединении политического подтекста с традиционной демонизацией русского народа создает гиперболично отвратительный образ имморалистичного государства, вышедшего из глубин ада [23]. В оде прямо говорится, что Российское государство – порождение ада; что царский режим греховен и убийствен по своей природе; что необходимо разрушить государственное устройство, которое вольно мучить и убивать человека. Понимание оппозиции «свое-чужое» определяется здесь, однако, не строго христианской системой координат, но нерасчлененным вектором христианского – справедливого – свободного – сильного. В заключение оды поэт противопоставляет свободную Англию закрепощенной России, сильного духом и своей независимостью англичанина слабому, безвольному русскому, с его рабским сознанием.

На рубеже XIX – XX веков миф о России пережил бифуркационное изменение своей структуры: в этот период произошло наслоение нового понимания «русского» на черты, уже давно закрепившиеся в мифе. Эта переоценка была связана отнюдь не только с историко-политическими изменениями и событиями [1, с. 36], но с интересом к экзотическому «чужому», но, в первую очередь, с обнаружением в «русском» «своего», христианского.

Бифуркация английского мифа о России произошла не сразу и не была связана с выходом из старой системы координат. Большую роль в появлении в мифе принципиально нового слоя, со своими ключевыми моментами и своей структурой, первоначально сыграло растожествление русского государства и русского народа. Это растожествление во многом стало результатом той деятельности, которую со второй половины XIX века вели русские политические эмигранты в Англии. Особенным вниманием со стороны английской интеллектуальной элиты, несомненно, пользовался регулярно печатавшийся в газете «Таймс» князь П. А. Кропоткин, а также С. М. Степняк-Кравчинский. Одним из важнейших идеологических результатов их деятельности стало «распространение понимания того, что российское правительство и российский народ – это два очень далеких друг от друга явления и что каким бы ни было отношение англичан к первому, у них нет никаких оснований испытывать по отношению к русским людям что-либо помимо сочувствия» [24, с. viii]. Февральская революция 1905 г. позволила П. А. Кропоткину убежденно утверждать перед всей интеллектуальной британской общественностью, также разделяя понятия русского народа и государственной политики, что «в общих умонастроениях в России» произошла «глубокая перемена» и что большинство уже не может примириться с «современными ужасающими условиями» российской действительности [25, с. 1–2].

Параллельно с этим растожествлением в условиях ощущения кризиса западной цивилизации происходила переоценка британского «своего» и русского «чужого». Период 1880–1920 гг. для британской культуры в современных исследованиях постулируется «революционной эпохой», когда в литературу и общественную мысль входят темы агрессивной бездушности «коммерциализации и индустриализации» (Дж. Конрад, эссе «Автократия и война», 1905), хрупкости европейской культуры (Т. С. Элиот, поэма «Бесплодная земля», 1922), угрозы, которую массы – «гунны» и «вандалы» западной цивилизации – несут высокой культуре (Г. Джеймс, письма, 1886) [26]. В этой атмосфере закономерно возникает новое прочтение русской религиозности не как «средневековых предрассудков», но как истинной (естественной) христианской веры, а особенностей поведения и быта русских не как «варварства» и «невежества», но как «естественной простоты».

Одновременный процесс отчуждения от «своего» английского и приближения к «чужому» русскому (как истинному – утерянному – «своему») осуществлялся в традиционном мо-

рально-этическом измерении, связанном с христианством. Так, в одной из самых ярких британских книг о России этого времени – исследовании М. Бэринга «Истоки России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914) проводится мысль о том, что «русский крестьянин – мистик», что его религия «происходит не из книг или учений», но из «опыта» [27, с. 47]. Более того, Бэринг прямо утверждает, что когда-то «вся Европа и особенно англичане» «смотрели на религию так, как русские крестьяне смотрят и теперь» и что это отнюдь не «невежество» и «темная философия» [27, с. 58], но та основа, которая рождает «щедрость», «терпимость», «доброту» [27, с. 162] и «любовь к людям» [27, с. 332]. У Бэринга в связи с этим не «английское» представляется «менее претенциозным» и более христианским, чем «русское», но «русское» прочитывается как истинно христианское.

Бэринг был не первым транслятором (создателем) нового слоя мифа о России в Европе. Он во многом опирался на труд французского мыслителя Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (1886), получивший широкую известность в западных странах, переведенный на английский язык в 1913-м и к этому году переизданный во Франции уже одиннадцать раз. О связи книги Бэринга с этим трудом можно судить, в частности, по тому списку исключительно французских имен, которым Бэринг иллюстрирует свой тезис о европейской известности Тургенева – Флобер, Жорж Санд, И. Тэн. Действительно, Вогюэ едва ли не первым ясно озвучил общую мысль об утрате западным человеком христианской веры и вместе с ней цельности и человечности в эпоху всеобщего позитивизма и механизации. «Религиозность» при этом Вогюэ связал с «душой», душевностью и одушевленностью; противостоящую ей «научность» – с «механистичностью», «атомарностью» мышления и душевным омертвлением [28]. На положительном полюсе этого вектора у Вогюэ оказываются Россия и русский роман (а также, хотя и в меньшей степени, роман английский); на отрицательном – Франция и французский роман, а также вся современная западная цивилизация. Вогюэ прославляет «сочувствие», освященное «духом Нового Завета» как ключевой момент русского романа [28, с. 18]. В то же время он говорит о «библейском духе», которым «пропитан» и английский роман [28, с. 15]. В этом отношении Бэринг – и за ним Б. Пэрс, С. Грэм, А. Беннет, В. Вульф, Ч. Сароли и многие другие – следовали не за Вогюэ, но за личными и одновременно общими переживаниями недостаточности, ложности, *антихристианского начала* современной им английской действительности. Так, видный

британский историк этого времени Бернард Пэрс пишет об «инстинкте братских чувств», свойственном русскому человеку [29, с. 72]; в своих эссе Вирджиния Вульф говорит о «душе» как о «главном герое русского романа», о «сочувствии страданиям другого» и о «естественном уважении к человеческому духу» как о характерных чертах «русского взгляда на вещи» [30, с. 239]; в книгах писателя и журналиста С. Грэма последовательно проводится идея естественной устремленности русского человека к Богу и той живой религиозности, которая была свойственна и западному раннему христианству [31; 32].

Как видим, в новых оценках «русского» значение имеет не только переосмысление русской религиозности в ключе истинного христианства, но проведение параллелей между нею и религиозностью англичан, оставшейся в прошлом. Обращает на себя внимание и постоянство «естественных» характеристик этой религиозности. Представляется, что в этом акценте на естественности проявилось английское, связанное с протестантскими взглядами понимание пути к Богу как пути личного, внутреннего, не навязанного извне, а также пафос неупорядоченного, некультуренного, экстатичного «дионисийского», характерный для эпохи в целом.

Растождествление русского характера и Российского государства позволило развести традиционный и народившийся слой мифа: традиционные представления о «демоническом русском» теперь связывались (не только до, но и после 1917 г.) с образом государства и государственной власти, тогда как представления о «христианском (мистическом) русском» – с образом простого русского человека. Четко эта закреплённость старого и нового слоев мифа проявилась, в частности, в «Предисловии» Э. Гарнетта к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1903 г.). В ней британский писатель, критик убежденно пишет о том, что «Толстого необходимо <...> воспринимать не просто как совесть русского мира, восстающую против слишком тяжелой ноши, которую русские должны нести, чтобы обеспечить непрерывность военного продвижения Святой Руси к построению великой азиатской империи, но как душу современного мира, пытающуюся заменить любовью к человечеству жизнь тех старых религий, которые наука разрушает день за днем» [33, с. 3]. Схожим образом в 1922 г. в упомянутой выше статье Пэрса звучат слова не только о «братском инстинкте» русского человека, но и о необходимости его борьбы с «политическими теориями, как автократическими, так и коммунистическими» [29, с. 72].

Новый слой мифа о России в английской культуре, возникший на рубеже XIX–XX веков, имел многочисленные измерения. В их числе особый интерес к русской музыке, живописи, балету, переоценка русской иконы и изделий русских народных промыслов. Новый слой получил разнообразные литературные интерпретации в произведениях как элитарной, так и массовой литературы. В частности, он нашел свое выражение в загадочном и пленительном образе русской девушки в романе В. Вульф «Орландо», в мягком иронизировании над чертами русского характера: чувствительности и сердечности – в комедии Б. Шоу «Великая Екатерина»; в многочисленных сопоставлениях «русского» и «английского» в романе Хью Уолпола «Зеленое зеркало: тихая история». Роман Уолпола особенно интересен с точки зрения «смены полюсов» в британских оценках «своего» британского и «чужого» русского в христианской системе координат. Герой романа прямо формулирует мысль о том, что Россия пробуждает вопросы о небе и земле, что главное для русских – общение «по душам» и размышления о Боге и Дьяволе [34]. Роман интересен неоднозначной оценкой «русского» и «английского» при однозначной их противопоставленности. Россия изображается исключительно как мир русских в ключе новосформированного слоя мифа об истинно христианской душевности и религиозности русского человека. Важнейшие моменты, характеризующие русский мир соответственно, – это устремленность к Богу, терпимость, любовь, душевная теплота и доброта. За британским миром остаются закреплёнными те черты, которые никогда не были связаны с собственно христианским миропониманием – деловитость, здравомыслие, твердость, решительность, принципиальность, сила, трудолюбие. Отражаясь друг в друге, эти миры обнаруживают не только свою полярность, но и относительность своих основных характеристик. Отраженные в английском мире русские «доброта» и «терпимость» могут превратиться в слабость, бесхарактерность и нерешительность. И, наоборот, отраженные в русском мире английские трудолюбие, спокойствие, твердость порой выглядят как циничность, твердолобость и излишняя догматичность. Такое *неоднозначное* изображение русского – так же как и британского – характера с внутренним акцентом на его *истинно христианских чертах* следует считать яркой приметой нового слоя английского культурного мифа о России.

Как видим, миф о России формировался и развивался в английской культуре в тесном

сцеплении с мифом о «своем» английском и с исходной опорой на христианское миропонимание. Вплоть до конца XIX в. одним из его важнейших структурных элементов являлось представление об антихристианской или псевдохристианской сущности русского характера, поведения, быта, русской государственности. На рубеже XIX–XX веков произошел бифуркационный взрыв английского мифа о России, связанный, в первую очередь, с переоценкой британского «своего». Теперь «русское» стали понимать во многом как истинно христианское (глубинное «свое»); традиционный слой мифа при этом получил четкую закреплённость за образом Российского государства.

Список литературы

1. Зашихин А. Н. «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в.: Очерки. Архангельск: Помор. междунар. пед. ун-т, 1994. 206 с.
2. Россия и Запад. Диалог и столкновение культур: Сб. ст. М.: М-во культуры РФ, Рос. Ин-т культурол., 2000. 236 с.
3. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб.: РАН (приложение к альманаху «Канун»), 1998. 464 с.
4. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.: Научное издание. М.: Изд-во МПГУ, 1995. 152 с.
5. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
6. Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1982. 259 p.
7. Телегин С. М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации. М.: Община, 1994. 144 с.
8. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения // Булгаков С. Н. Первообраз и образ. Сочинения: В 2 т.; М.–СПб.: Искусство, Инапресс, 1999. Т. 1. 416 с.
9. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 19–24 апреля 2010 г.) Астрахань, 2010. С. 5–14.
10. Priestley J. B. The English Character // Priestley J. B. The English Humour. London: Longmans, Green and Co. 1929. P. 1–11.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурно-политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1895. 629 с.
12. Eliot T. S. Vergil and the Christian World // The Sewanee Review. Vol. 61, No.1, 1953. P. 1–14.
13. Ченслор Р. Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 60–66.
14. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII века. М.: МГУ, 1990. 289 с.

15. Турбервилль Дж. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII века. М., 1990. С. 245–268.
16. Маколей Т. Б. Полное собрание сочинений: В 13 т. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1865. Т. XIII: История Англии. Ч. 8. 378 с.
17. Geddie J. The Russian Empire: Historical and descriptive. London: T. Nelson and Sons, 1882. 528 p.
18. Соловьева Н.А. Петр I в английской литературе XVIII века // Государственный историко-культурный заповедник «Московский Кремль»: Материалы и исследования. Вып. XIII. Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 2 – 18.
19. Homiakov N. Bases of Anglo-Russian Friendship // The Russian Review. 1912. Vol. II, No. 2. P. 9 – 19.
20. Waddington P. From The Russian Fugitive to The Ballad of Bulgarie. Episodes in English Literary Attitudes from Wordsworth to Swinburne. Oxford/ Providence: BERG, 1994. 304 p.
21. Байрон Дж. Г. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 1. 515 с.
22. Tennyson A. Hail, Briton! // Tennyson A. Poems: in 3 vols. Harlow: Longman, 1987. Vol. I. P. 529 – 530.
23. Swinburne A. Complete Works: in 20 vols. London: W. Heinemann Ltd; New York: Gabriel Wells, 1925–1927. Vol. II. P. 130–136.
24. Stepiak S. At the Dawn of a New Reign: a Study of Modern Russia. London: Chatto and Windus, 1905. 347 p.
25. Kropotkin, Prince. The Terror in Russia. London: Methuen and Co., 1909. 75 p.
26. Raskin J. The Mythology of Imperialism: a revolutionary critique of British culture and society in modern age. New York: Monthly Review Press, 2009. 331 p.
27. Baring M. The Mainsprings of Russia. London: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
28. Vogue E.-M., le Vicomte de. The Russian Novel / tr. from the eleventh French ed-n by Colonel H. A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd, 1913. 324 p.
29. Pares B. The Objectives of Russian Study in Britain // The Slavonic Review. June 1922. Vol. I, No. 1, P. 59 – 72.
30. Woolf V. Russian Point of View // Woolf V. Collected Essays: in 4 vols. London, 1966. Vol. I. P. 238–246.
31. Stephen Graham. The Way of Martha and the Way of Mary. London: Macmillan and Co, 1916. 291 p.
32. Stephen Graham. Undiscovered Russia. London: John Lane, the Bodley Head, New York: John Lane Co, 1915. 332 p.
33. Garnett E. Preface // Tolstoy L. Anna Karenin. New York, 1917. P. 1 – 4.
34. Walpole H. The Green Mirror: a quiet story. New York: George H. Doran Co, 1917. 416 p.

THE MYTH OF RUSSIA IN BRITISH CULTURE AND FICTION AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES: FROM THE ANTI-CHRISTIAN «OTHER» TO THE CHRISTIAN «SELF»

S. B. Klimova

The British myth of Russia obtained a new layer at the turn of the 19th-20th centuries. The bases of its structure were formed by the Christian vision of the world, with certain stresses on those characteristically British aspects, which to a large extent determined the structure of its traditional layers. The bifurcation concerned not the dimension, but the interpretation of the «Russian»: the anti-Christian pathos was replaced by its Christian opposition.

Keywords: myth of Russia, British literature, «other and self», Christian vision of the world, bifurcation of the myth's structure, dissociation of images.